

К 84.09(=4У8)

С 30

К-58808

ЮРИЙ СЕМЕНДЕР

КЛУБ К
СУДЬБЫ

Национальная библиотека ЧР

к-058808

ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ
БЕСПЛАТНЫЙ
ЭКЗЕМПЛЯР

Обязат

Кур К.84.09(=Чув)

30

ЮРИЙ СЕМЕНДЕР

КЛУБОК СУДЬБЫ

Стихи

чр

Перевод с чувашского
Аристарха ДМИТРИЕВА

Чебоксары
Чувашское
книжное издательство
2011

УДК 821.512.111
ББК 84 (2 Рос=Чув) 6-5
С 30

Семендер Ю.С.

С 30 Клубок судьбы: стихи / Ю.С. Семендер; перевод с чуваш. А.И. Дмитриева. — Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2011. — 127 с.
ISBN 978-5-7670-1834-5

Этот сборник состоит из четверостиший. В них — тревоги и надежды веков и поколений. Выраженные страстными словами народного поэта Чувашии Юрия Семендера, они по-своему множат добрые начала на земле.

Проверено

1 СЕН 2017

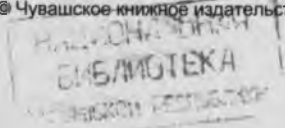
К-58808

УДК 821.521.111

ББК 84 (2 Рус=Чув) 6-5

ISBN 978-5-7670-1834-5

© Семендер Ю.С., 2011
© Дмитриев А.И., перевод, 2011
© Чувашское книжное издательство, 2011

Слово о поэте

Перед тобой, уважаемый читатель, новая книга. Она готова приветливо распахнуться и поделиться своими сокровенными тайнами. Это может случиться в простой деревенской избе и современной городской многоэтажке, в завораживающей тишине библиотеки и у походного костра...

Где бы то ни было, но магия слова доставит тебе немало счастливых минут общения с поэзией.

Новинку преподнес народный поэт Чувашии Юрий Семендер, автор более двадцати сборников. Родился он семь десятков лет тому назад в деревне Таныши Красноармейского района. Окончил Чувашский госуниверситет. В армии дослужился до офицера, а на «гражданке» — до главного редактора журнала «Ялав» (Знамя). Кстати, тянул эту лямку целых тридцать лет — рекорд, достойный Книги Гиннеса. Ныне целиком на творческой вахте.

Предлагаемый сборник — плод вдохновенного труда последних лет. В нем мастер делает упор на малую поэтическую форму — четверостишия. На первый взгляд, вроде бесхитростные строки. Но сколько в них ярких примет нашей противоречивой жизни! Размашисто, терпко, где надо — с лукавой усмешкой воспринимаются они. Лиричен и тонок голос автора, когда отдает дань родным местам, благодатной природе, нежным чувствам,

схожим с полетом бабочек над лепестками. Но набатно звучат суровые нотки там, где речь о несправедливости людской — будь то военные катаклизмы или мелкие недоразумения...

И все же торжествует жизнь с большой буквы. Она вновь и вновь зовет устами поэта: всмотритесь в зернышко — увидите хлебное поле. Таков принцип Семендера на поэтической ниве.

Мне повезло, что при переводе его стихов на русский язык очутился на одной с ним волне. Суть этой волны — откровенность и строгость. На каком бы языке ты ни говорил, почтеннейший читатель, поэт стучится в твое сердце, отзовись.

Аристарх ДМИТРИЕВ

Слово о переводчике

Чуваши — народ восточный. Бери любую версию о происхождении наших предков — камнем преткновения все равно станет Восток. А Восток, как мы знаем, дело тонкое. Мудрые мысли, изложенные в стиле рубаи и других кратких и лаконичных формах, имели место в поэзии всех восточ-

ных народов. Таковы Рудаки, Низами, Авиценна, Омар Хайям, Руми, Саади и другие поэты арабской и тюркской древности. Именно их прелестные образцы вдохновляют современных чувашских поэтов к обращению к этой форме стиха. Так создавались и четверостишия, вошедшие в этот сборник.

Что касается перевода их на русский язык, то в этом плане наиболее удачно и ярко выразил себя Аристарх Дмитриев. Родился мой друг в 1940 году в смешанной в национальном отношении семье: отец был чуваш, мать — русская. Материнский язык, как мне кажется, в раннем возрасте детей всегда преобладает над другими в таких семьях. Вот и наш Аристарх вначале овладел русским, а позже, когда уже приобщился к уличным играм сверстников, основательно освоил их язык. Дальше — больше: в годы учебы в школе и литературном институте он одинаково остро отточил и язык Пушкина, и язык Константина Иванова, затем, когда опубликовал свои стихи на

чувашском в литературной периодике, наш почтенный учитель Педэр Хузангай в печати похвалил его циклы как за оригинальное выражение свежих мыслей и чувств, так и за чистоту и образность языка.

В советской культуре, когда национальные литературы развивались под эгидой расцвета и сближения, поэзия переводилась на основе государственного заказа. В этой интересной творческой практике Аристарх Иванович проявил себя как зрелый, талантливый переводчик с чувашского. Он успешно перевел М. Сеспеля, Я. Ухсая, Н. Исмукова, Р. Сарби, В. Тургая и других авторов, но настоящий подвиг совершил великолепным переводом объемного народного эпоса «Улып». Мне кажется, нам еще предстоит по достоинству оценить этот титанический труд.

Эпос и четверостишия, конечно, вещи разные, но и в этом виде сотрудничества мы с переводчиком находим много точек соприкосновения, выраженных на исторически дружно соседствующих, но конструктивно противоположных языках.

Обращаясь к читателю, скажу: мысли этих четверостиший принадлежат не мне, а именно тебе, я же, как профессиональный литератор, собрал их в один венок для возвращения тебе в виде подарочного букета, что с удовольствием и делаю.

Юрий СЕМЕНДЕР

Открыта жизнь со всех семи сторон,
И жребий наш уже определен.
Какие ждут нас дальше перемены,
Скажи, волшебник будущих времен.

Уместен ли роман в стихах теперь?
Читать его — считать часы потерь.
Противовес — четверостиший строки,
Прочти и сразу глубину измерь.

Четыре строчки — блики на бумаге,
Четыре строчки — молнии зигзаги.
Душа светла. И мы ее в себе
Проносим словно золотые стяги.

Блеснула в небе яркая зарница.
Подумал: «На перо мне пригодится».
А с неба: «Если есть чем поделиться,
Язык и станет твой пером Жар-птицы».

Что сумеречным часом на заре
Петух-трубач вещает во дворе?
Он говорит: «А ну-ка, человек,
Берись за дело, короток твой век!»

Траву кошу — а дума о тебе,
Я петь спешу — а дума о тебе.
Уж не тобой ли этот мир наполнен?
Живу, дышу — все думы о тебе.

Бог каждому определяет пару,
Чтоб рядом жить и в счастье, и в беде.
Ты не нашел свою — старался даром.
Вот высшая несправедливость где!

Благословляет ветер в добрый час,
И птицы пеньем поздравляют нас.
Все есть, родная, что душе угодно,
Чтоб солнцем ты являлась каждый раз.

Учи, повсюду испытаний след,
Старайся избегать угрозы бед.
Любовь имеет колдовские чары,
Чуть оплошал — и человека нет.

Будь верен долгу в череде забот —
Вот зависти и злобе укорот.
Слова порой играют как снежинки,
Лишь дело чести нас не предает.

Середина марта. Дышится весной.
Я спешу в деревню: мамочка, постой...
Подают синицы грустный голос свой:
Я теперь остался круглым сиротой.

Размашисто вперед устремлена,
О берег разбивается волна.
Не такова ли, братцы, жизнь людская?
Всего до встречи с берегом она.

Спасибо, голод: ценим хлеба вкус.
Любовь, спасибо: твой несем мы груз.
Спасибо, враг мой, за твою науку:
Теперь и сам ты видишь — я не трус.

В сыночке мать души не чаает,
Вдвойне отец тут отвечает.
Но будет ли какой-то прок? —
Сын тех забот не замечает.

«Глупец», — твердили все о нем,
Он хвастался своим конем.
А кто своей женой хвалился,
Тот слыл набитым дураком.

Запомните, собратья, навсегда —
Несокрушимо истина тверда:
Мир необъятен, если в нем согласие,
Мир очень тесен, если в нем вражда.

Закружится невольно голова,
Когда кругом хвалебные слова.
Чем дольше хвалят, тем мутнее разум —
Тщеславия опасность такова.

Не горячись, где много вздорных слов,
И сделай вид, что отступить готов.
От этого не потеряет сути
Основа сокровенная основ.

О волны, вы, как птиц осенних стая,
Проноситесь, у берега мелькая,
Чтоб мигом разлететься кто куда...
Не те ли волны — и мои года?

Исмай, жуешь ты чигыт утром рано,
Не думаешь при этом, как ни странно:
Вкушаем пищу мы три раза в день,
Нас Время пожирает постоянно.

Для уходящих очереди нет,
Зовущий выбирает, чей билет.
Насыпь ему хоть гору золотую,
Тебя от смерти не спасет в ответ.

Ягур деревню будоражил долго,
Мигул трудился, повинуюсь долгу...
На кладбище теперь зарыты оба,
Друзья, поди, хотя бы после гроба.

Неровен час, когда умрет собрат,
Средь бела дня, как будто бы закат...
Потом навеки в землю зарываем,
И душу снова обнимает лад.

Застолье распорядок свой блюдет:
В пустую рюмку вновь вина нальет.
Но если силы жизни на исходе,
Никто тебе добавку не дает.

Как мельница кружится шар земной,
Не устает и нас кружить с собой.
Младенца быстро превращает в старца,
А старцу вечный дарит он покой.

И было сновидение давно:
Мне сделал замечание одно
Сам Сталин: «Чувавам не повезло —
Они скромны, в чем и добро, и зло».

Как ручейки соединились мы,
В большую реку превратились мы.
И вот уже рукой подать до моря,
Но вновь на ручейки разбились мы.

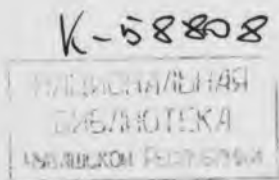

Опять чиновник слова не сдержал,
И снова лживых уверений шквал.
Когда к ответу призовет Всевышний,
Чем оправдаться думает бахвал?

А признаться, мы все дураки.
Вот и я в том ряду, земляки.
Но умнее себя показаться
Этой правде хотим вопреки.

Ты, богач, не кичись, брось замашки свои,
Далеко не уйдешь на слезах и крови.
Ты учти: даже толстого длинного змея
Обсосать не боятся в лесу муравьи.

Дорогой, зря считаешь меня подлецом,
Повернулся бы лучше ты к солнцу лицом.
И пока ты за пазухой камень таскаешь,
Песню дружбы сложу и предстану певцом.

На свете долго жить хотел бы я,
Но срок отсчитан каждому, друзья.
Не надо часа смертного бояться —
Там встретит предков дружная семья.

Такое тоже надо понимать:
Мать даже смерть не хочет признавать.
Когда мне согрешить порой придется,
В глаза мои оттуда смотрит мать.

Россия, жадно тянутся к тебе,
К твоим просторам и... к твоей трубе...
А ты стоишь с душою нараспашку,
Не можешь цену дать самой себе.

Те, кто рвутся в Госсовет,
Тоже не безгрешны, нет:
То и дело в ход пускают
Компромат, подвох, навет...

Юлит перед людьми госаппарат,
Опять идет чиновная игра —
Суют газеты, раздают кассеты...
Да что стряслось? На выборы пора.

Да, звездочетом был Омар Хайям
И звездные беседы слышал сам.
Как обладатель высшей тайны неба
В поэзии причислен к образцам.

Что предстоит нам завтра, знаю точно:
Сидеть на жестком, а ходить по кочкам.
И если свыше так заведено,
В чем мой ответ с другими заодно?

Ты — просто человек. Тогда ответь,
Зачем для всякой твари ты — гроза?
Зачем лиса и волк, лев и медведь
С опаскою глядят в твои глаза?

Восток — Ташкент и Тегеран,
И много океанских стран.
А взгляд из Лондона подскажет:
Ключ от Востока — Чувашстан.

Непросто в жизни, как ты ни крути,
Немало ждет сюрпризов на пути.
Но ты подумай: можно заблудиться
И даже сидя дома взаперти.

Стоит мужик. А женщина рыдает,
Так безутешно слезы вытирает.
Запомни, бессердечный: завтра сам
Заплачешь, эхо плача принимая.

Травой покрылся каждый бугорок,
В лесу деревья пьют весенний сок.
А я, мальчишка, хоть преклонных лет,
Из тонкой ветки делаю свисток.

На дедушке костюм добротный,
Ботинки прилегают плотно.
Спешит как прежде по делам?
В последний путь — бесповоротно.

Детство — знак вопросительный,
Юность — знак восклицательный.
А могила поставит
Точку — знак окончательный.

Уж не влечет меня к себе Восток,
И Запад вроде чересчур далек...
Еще какие ждут меня потери?
О молодость! Надежды огонек...

Рановато мой тюльпан зацвел —
Лепестки холодный ветер смел.
Так певец, запевший слишком рано,
Не восторг получит, а прокол.

На белом свете шелестит века
Раскидистое древо языка.
Живые ветви — тысячи наречий...
Чувашская — и по сей день крепка.

Отеческие тихие места —
Для лириков милее нет гнезда.
Ивник, Янгас, Тукташ и ты, Айдаш, —
Поэзии достойный экипаж.

Искусство, может быть, и краше,
Но свой у жизни интерес.
На сцене только что был маршал,
А вышел — и в толпе исчез.

Сеспель как Новый День начинает?
Семена золотые бросает.
Не на пашню летят семена —
В исторические времена!

Клюв — к небу! Потрясая гребешком,
Пропел петух задорным голоском:
«Взлетел бы прямо к соколу и выше...»
Брось, братец, твой удел — ходить пешком.

Зря вешать голову не дам:
Что горевать по пустякам!
Лишь родились — уж начинаем
Терять отпущенное нам.

Остался без товарищей, друзей,
Но понапрасну на людей не сетуй.
Пока с напастью не столкнулся этой,
Друзей же почитал ты за людей.

Ходить не надо, тетушка Альдюк,
Туда, куда повадился он вдруг.
Твоих страданий вовсе недостойн
Неблагодарный ветреник-супруг.

С одним легко справляюсь злом,
С другим покончить — нужен лом.
От всех невзгод дом укрывает,
Сам вмиг сметается огнем.

Стоит, от злости разъярен,
На зеркало взгляд устремлен.
Ударит? Зеркалу не страшно:
Не разобьет же Правду он.

Ну ты и пес! Прекрасно знаем,
И все же иногда мечтаем:
Тебе бы как у шавки хвост,
Уж повилял бы им, прохвост!

Обижен ты лицом едва ли,
Да и в глазах — живой огонь.
Когда же скромность раздавали,
Зачем не протянул ладонь?

Мужчины! Просьба к вам одна:
Долг женщине отдать сполна.
Своими добрыми делами
Мир держит на плечах она!

Как колокольчик под дугой
Хотят звенеть тот и другой.
А кто нарядную повозку
Своею запряжет рукой?

Квадрат ты принял за овал,
А я овалом не назвал.
С тех пор никак не научился
Быть гибким, словно краснотал.

Собирал я грузди наугад.
Только жадность потащила, брат,
В глушь, где не бывать и мухомору.
Все же не посмел свернуть назад.

Что нам во благо, что во вред —
Пусть солнышко дает ответ.
Оно и самой пышной астре,
И злой колючке шлет привет.

Белеет череп лошади у тына.
Задуматься у парня есть причина:
Когда-то этот череп был конем,
И дед невесту умыкнул на нем.

Отчего цветы растут? Ради жизни.
Отчего букет несут? Ради жизни.
Отчего рассаду ждут? Ради жизни.
И опять цветы взойдут. Ради жизни.

Вот деревенский окоем:
Когда-то молодость внаем
Я здесь родной сторонке отдал.
А как вернуть ее в наш дом?

Ветвями, как могучими руками,
Дуб с молнией при вспышке обнялись.
Но крепко удержали их корнями
Земная твердь и облачная высь.

- **Ч**то можешь про отца сказать?
- Война, потом разруха.
- А что поведаешь про мать?
- Мать — просто голодуха.

Грехи мои, как куры на насесте,
Все неотрывно на меня глядят.
Грехи, грехи... Прошу сидеть на месте,
А то другие мигом налетят.

В степи все видно, говорят,
В тайге все слышно, говорят.
Но как, скажите, пропадает
При этом без вести солдат?

Вот зыбка с гробом. Век от века
У них похожа чем-то суть:
В одной — начало человека,
В другом — конец, последний путь.

Поздравляют бабушку — сто лет!
И платок подносят — краше нет.
Власть, постой... Столетняя чувашка
Ждет родную речь, а не букет.

Сказал мне старец: «Сердце, что в груди, —
Клубок. И в жизни ты за ним иди».
И впрямь иду. Не раз и ошибался.
Судьба, получше за клубком следи.

И снова солнце сеет свет,
И вновь наш сад теплом согрет.
Узнать бы только, дорогая:
Весна все та же иль другая?

От синих глаз твоих уйти не смог
И синеглазки вырастил в залог.
Все лепестки нежданно завяли,
Покуда заплетал тебе венок.

В густой траве таится гад
И соки превращает в яд.
А ты чем лучше? Что услышишь,
Все клеветой представить рад.

На всех с улыбкой смотрит легкой
Он сверху вниз: молчите, лохи!
Карьеру делают ему
Не ум, не сердце — только локти.

Могучий дуб, несущи поклон тебе.
А он в ответ — с тревогой о судьбе:
«Прошу, породу нашу сохраните,
Боюсь остаться только на гербе».

Черниговщина грезит о степях,
Густой камышник рыбою пропах.
Там, в сторону Чувашии взирая,
Стоит, на палку опершись, Репях.

Что прежде: благо или зло?
С ответом, право, тяжело.
Они не могут друг без друга.
Сподручно ли одно весло?

Была лачуга, после — теремок,
Теперь коттеджем удивить он смог.
Что за напасть! Мужчина из мечты
Все время лучше мужа на чуток.

Талант — прекрасного родник,
Что и в грядущее проник.
А кто талант на рынке ищет —
В огромный грех впадает вмиг.

Чем сидеть и дома киснуть,
По траве ходи росистой.
Ноги пусть босые будут.
Хвори сами же отвиснут.

Родные Чебоксары. Шупашкар
Земле чувашской — как небесный дар.
Пускай ликуют тысячи наречий,
Для нас родное слово — как нектар.

Любовь Сетнером и Нарспи воспета,
Любовь несли Ромео и Джульетта.
Ключ от любви они нам завещали,
Но почему-то этот ключ — с секретом.

Ты не кичись смазливостью своей.
Таких быстрее искушает змей,
На них борзые лают посильней...
Нет, не кичись смазливостью своей.

Любимая, где снега белизна?
Траве и птицам нынче не до сна:
Одни растут, другие распевают...
Опять о чем-то шепчет нам весна.

Где нежность гнездилась,
там селится проза.
Где раньше был любый,
там нынче любовник.
Садовники знают: культурная роза
Порой вырождается в дикий шиповник.

Как радует цветение весной!
Надежно лето с песней трудовой.
А осенью, при тучном урожае,
Прекрасен даже огород пустой!

Давно ли утверждалось неизменно:
«Прекрасная поэзия — бесценна».
Сегодня правит денежный мешок.
И слово — лишь монета для размена.

Восток таньгой щекочет нервы,
А Запад завлекает евро.
Для банков — пир! И солнце скоро
Сдадут в валютные резервы.

Работу ищет тут и там.
Идет к чиновникам-тузам:
— Вы мне — отдельный стол со стулом,
А деньги я добуду сам.

Как будто мир лишь человеку дан,
Тот рушит все, поддавшись на обман.
Чем вынуждена отвечать природа? —
В цунами превращает океан.

Оглушает порой эстрада —
Электронная канонада.
Для кого вы стараетесь, братья,
Если мало души и лада?

Охотник наконечник заострил,
Рывок — и с тетивы стрелу пустил.
Но беркут выше делает виток.
Ужели он все это видеть мог?

Течение талое не слабо.
Стоит на берегу пиит:
«Вчерашний ритм — одно силлабо,
Теперь и с тоникой он слит».

Из табуна вернулся аргамак.
И слово — сердца сокровенный знак —
Когда вот так же может появиться,
Пора встречать. В дорогу, мой рюкзак!

Скажу — пусть уши наострит собрат:
Пред ним все время кто-то виноват.
Уж так привык. Я думаю иначе:
Грехи мои — и сам ответить рад.

Сын на английском набирает ход,
Внук по-французски шпарит круглый год.
А дед, храня чувашскую закваску,
С лопатой — на картошку в огород.

Что прибыл — подпись, датировка.
Что убыл — шлеп печатью ловко.
Теперь понятно: жизнь моя —
Короткая командировка.

На оконном стекле — лепестки-завитки,
Серебристые замерли там огоньки.
Не успел я связать свои чувства венком —
Как умчались года, промелькнули деньки...

Кого раньше всех поднимаю? Себя.
Кого за безделье ругаю? Себя.
Под ношу кого подставляю? Себя.
Друг предал. Кого обвиняю? Себя.

На словах порхал под облаками,
Звезды рвал, как будто лепесток...
А цветы земные под ногами
Для любимой разглядеть не мог.

Я даже за семью морями
Слова-лучи искал упрямо.
А вот нашел я их, друзья,
При встрече с отчими краями.

Поздней ночью у Джелалабада
Пал солдат от подлого свинца.
Вздрогнули, как будто от набата,
Разом материнские сердца.

Рад за успехи сверстников моих.
Судьба, ты чаще потчуй медом их.
Мои же вожжи крепче натяни,
Чтоб легким грузом не казался стих.

С утра к тебе я тороплюсь, родник,
Ты освежаешь душу в тот же миг.
Хотел бы я, чтоб звонкий чистый голос
В мои стихи живительно проник.

Солиста критик упрекает,
Мол, слабовато он играет.
Так взял бы сам его гобой
И удивил своей игрой.

И прозвенел звонок для зимних дней,
Как побежали ручейки с полей.
Клин журавлей, перелетевший с юга,
Сегодня мне напомнил лемех плуга.

Для смертника — урановый рудник,
К ужасной бомбе ядерщик приник...
Выходит, человеком зло творится,
Чтоб собственный разрушить материк.

Чертова мельница передо мной,
Дьявол мерещится в чаще лесной.
Может, пора прекратить марш-бросок?
Нет, ни за что? Эй, солдаты, за мной!

Стрела со свистом мимо пролетела,
Пока и пуля не коснулась тела.
А клевета, откуда ни возьмись,
Однажды с ног свалить меня сумела.

Судьба меня заставила пройти
И близкие, и дальние пути.
Они сольются в изголовье гроба,
Когда придется навсегда уйти.

Оттуда, где безмерность бытия,
Все видит справедливый Судия.
Своим перстом он выбирает судьбы
И наделает ими нас, друзья.

Рассветными лучами озарен,
Зовет подняться выше горный склон.
Взошел я, красотой полюбовался,
А как спуститься? Не вопрос, а стон...

Порою неспроста нас зло берет,
Иначе как бы развивался род?
Не будь жары, метели, урагана —
Где стойкость человек приобретет?

Очередную рюмку вдруг
Отставив, запеваёт друг.
Догадки строить тут не буду:
Он меру знает без нату́г.

Конфликт... Защита или нападение?
Где подлинность, а где она лишь тенью?
Три мнения имеют три судьи:
Чье к истине вернее приближение?

Опять на вечер в честь поэта
Спешу я к землякам, при этом
Так и не знаю, что сказать, —
Ведь сам он — целая планета.

Медовыми устами провожали,
Блинами в масле встретить обещали.
Там, вдалеке, хлебнул нужду сполна,
Но с вами, земляки, был крепче стали.

Когда пчела вонзит внезапно жало,
С целебной болью ходишь ты немало.
Прекрасный образ грудь мою пронзил —
Священной этой боли не бывало!

Богатый или бедный — все равно
Земля любому говорит одно:
— Из праха вышел, в прах и обратишься,
О входе позаботилась давно.

Сад, если птицы не поют,
Теряет по весне уют.
Газеты, коль стихи в загоне,
Одну рекламу признают.

На Запад уплывает старина,
Людовиков забыты времена.
Лишь факел поэтического слова
Сияет там, где ночи пелена.

Видать, у моря так заведено,
Своим волнам поведало оно:
«Фарватер мой — для добрых мореходов.
А оборотням путь один: на дно».

Сидят седые мудрецы подолгу
И рассуждают про судьбу и Волгу:
— Чудно! С таким стараньем волны бьются,
А берега на месте остаются.

Обильное застолье у людей:
Все с пылу-жару, ешь себе и пей.
Такой разгул! Сижу полуголодный,
Как будто нет меня среди гостей.

Стая диких гусей надо мной.
Тишина за тюремной стеной.
Там кого-то, поди, осенило:
«И тебе место есть, дорогой».

Гамзатов, Хузангай, Ухсай — втроем
Идут по Чебоксарам на подъем.
Издали Казбек папашой машет:
«С Расулом по-чувашски подпоем».

Сколько лет ждал сосед,
как сдадут новый дом.
Наконец, переехал перед Рождеством.
Трое суток, увы, миновало всего —
На могилу снесли вместе с гробом его.

«Стучите, — сказано, — откроют;
Просите — будет вам дано».
У входа глянул — а за мною
Просителей полным-полно.

Волшебница! Когда-то, озорной,
Я шапку не снимал перед тобой.
Признайся: по какой такой причине
Ты в сны мои приходишь как домой?

«**С**читать чужие деньги ни к чему!» —
Отец отрезал сыну своему.
А деньги Абрамовича сегодня
Весь мир перебирает. Почему?

Какую силу молнии таят?
Откуда грома яростный раскат?
Не мы ли в злобе вопли исторгаем,
Которые вокруг земли летят?

Тебя я, мама, в добрый час
Стихами воспевал не раз.
Но ничего не смог поделаться,
Когда навек ушла от нас.

Любимая, обычай соблюдем:
Друг другу рюмки поднесем с вином.
И ясный месяц пусть увидит с неба —
Два жребия сливаются в одном.

Пора и нам подумать без прикрас:
Откуда злоба бесовская в нас?
Не в омуте и не в чащобе леса —
В самих себе ищите тот запас.

— **Д**ля антологии, поэт,
Ты выбрал лучший свой сонет?
— Четыре на челе морщины —
Строфа, которой лучше нет.

Советы благородные ценя,
Им следовать хочу день ото дня.
Теперь, жена, могу тебе признаться:
И рюмка в люди вывела меня.

На кладбище во время похорон
Мне тоже приговор был оглашен:
«Сегодня ты ровесника хоронишь,
А час пробьет — сам будешь погребен».

На удивленье, дамочка одна
Все вытряхнула из души, до дна.
Простой расчет: пусть видят, как она
Освободилась от грехов сполна.

— **К**ак у тебя дела сегодня, сват?
— Спасибо, сват, дела пошли на лад.
Я прежде эти рынки ненавидел,
Теперь и нас прилавок кормит, брат.

На сердце чувство звонкое хранится —
От иволги оно и от синицы.
Собой оттенок времени несут
Их голоса за окнами светлицы.

Проступков, согрешений разных поле
Мне с юных лет переходить доколе?
Душе для покаяния, друзья,
Отпущенной едва ли хватит доли.

Не портит ли подушка интерьер?
Царь носит шубу на какой манер?..
Россия много задает вопросов.
Кто поточней ответит, Семендер?

Вчера один был эталон у власти,
Сегодня с ним нарвешься на напасти.
О господа правители! За что
Вы истину кромсаете на части?!

Под кронами дубов, из-за помех
Лещине трудно вырастить орех.
А в мире, что распахнут бесконечно,
Душе зачем-то тесно как на грех.

Фома, на потный не взирая лоб,
Строгает доски свежие на гроб.
А стружки, словно вестники погоста,
Ложатся и ложатся возле стоп...

Солдат и шуткой метко бьет,
И острый ум пускает в ход...
Когда я слушал их, то чуял:
Вот-вот Омар Хайям войдет.

Тебе — работа, этому — покой,
Дается отдых дорогой ценой.
Из череды таких противоречий
И состоит порядок мировой.

Бежит лошадка... Знать, конюшня снится.
Ты приласкай ее потом, возница,
Но почему, бродяга Семендер,
Твой путь родной деревни сторонится?

Немало под водою темных сил,
Немало злобы я в себе носил.
Теперь другое направленье ветра,
Однако не убавилось чернил.

Налицо доброта — тут как тут и злодей.
Постучалась любовь — жди страданья за ней...
В человеке костер — он горит и в поэте,
Но чуть-чуть, но чуть-чуть, но чуть-чуть посильней.

Всю быль и небыль хочет романист
В свой опус втиснуть чередой страниц.
Пускай томов семнадцать накатает,
Однако жизнь — все тот же белый лист.

Поклон тебе, ветла у дома,
Тебе, мотив свирели томный, —
Ты прилетал ко мне на Эльбу
В часы отбоя и подъема.

Да будет уваженье не в укор,
Да будет ладно скроен ваш убор.
А главное, друзья, чтоб не теряли
Душа и разум пращуров задор.

Меня ты слишком рьяно поносил,
«Ну хватит!» — я стрелу в тебя пустил.
Теперь гляжу, бессонницей страдаю, —
Ба! Я свое же сердце поразил.

Во всем себя привык я обвинять.
И как при этом на других пенять?
Так было в прошлом, на казенной службе.
А память возвращает все опять.

Учиться нынче модно — так и знай,
Но главный интерес — купи-продай.
Бери дешевле, отпусти дороже —
Вот перестроек разный урожай.

Ты, Истина, как солнца луч живой,
Всегда достигнешь цели по прямой.
Однако, по сравнению с лучом,
Тебе труднее путь проделать свой.

Я помню, Мама, твой последний час
И твой «Живи по совести» наказ.
Как мера справедливости, помилуй:
Ошибок слишком много я припас.

Без языка и колокол немой.
Без детворы и дом как не жилой.
О ты, душа — любви источник вечный,
Пусть каждого очаг согреет твой!

Министром быть, конечно, не пустяк,
Но дело не запутывай, земляк.
Не помешало б соблюдать нам в жизни
Обычай скромных муравьев-трудяг.

И трехвековой ворон на дубу
Не жалуется на свою судьбу.
А мне тужить тем более негоже —
Такою мне не выдержать борьбу.

Вращение земли, солнцеворот
И всей вселенной круговой полет.
Мне повезло: в таком круговороте
И добрый человеческий наш род.

Хвастун-ученый повторяет фразу:
«Я никому не делал зла ни разу!»
Как знать, желанье добреньким прослыть
Не перейдет ли в злобную заразу.

Влечет к мужчине женщину всегда,
А для мужчины женщина — звезда.
И если в мире так заведено,
Мы с этим миром, значит, заодно.

Женева, Римы и Парижи
Кричат о мировом престиже.
А мне моя деревня Таныши
Милее полисов и ближе.

Поля хлебами сжатыми полны,
Не забрались бы в скирды грызуны.
За нашими невестами до свадьбы
Следить отцы и матери должны.

Предзимье. В небе все равно пожар,
В саду — как отражение, загар.
Вот с клена лист оранжевый слетает,
О многом говорящий сердцу дар.

Мне шапку предлагаешь — ни к чему.
И валенки в подарок не приму.
Открыл бы лучше, братец, мне дорожку
Хотя бы на день к детству моему.

Когда я слышу колокольный звон,
Ловлю все время твой наказ вдогон:
Живешь, сынок, лишь раз на этом свете —
Отдай и осторожности поклон.

Заяц был почти ручной, был доверчивый
такой,
Близко подпускал к себе, грыз морковь
перед тобой.
Надо же, под Рождество за деревней,
где овраг,
Жизнь такую оборвал Осип — местный
зверобой.

Хозяин работника взял в оборот,
Одно на уме наказание — пороть!
Но в чем перед ним провинился несчастный?
Хозяин не тот получает доход.

Мир людям подчиняться не готов.
У книги жизни где-то семь листов
Всего осталось долистать, быть может...
Что толковать о будущем? Нет слов.

Ночные росы — ржи отрада:
Налив зерна идет как надо,
Готовясь хлеборобом стать,
Пусть и про это знает чадо.

Ни к чему стрекотать, утешая,
Не сорока — слепая сова я.
Ваш галдеж душу мне так гнетет,
Как хватает добычу борзая.

Что ждет с рожденья вас, сынки и дочки?
Бугры да кочки ждут, бугры да кочки.
А если так, что значит жизнь, друзья?
Бугры да кочки. До последней точки.

Береза, клен роняют позолоту...
Смотрю, люблюсь — растянуть охота
Прекрасный миг хотя бы на недельку,
Но кнопки «стоп» не вижу отчего-то.

На три недели из родного дома
Ты уезжаешь в город незнакомый.
Не унывай, дружок: и в этот мир
На время лишь явились все равно мы.

У роз на лепестках жемчужных капель след,
Лучистые глаза струят целебный свет.
Наш самый лучший день на протяжении года,
Так наливай, буфетчик, мед-шербет!

Салют, Омар ибн Ибрахим Хайям!
Где ты, там места нет моим стихам:
Со звездами беседа с Парнаса,
Звездю попутной стал ты сам.

Купальщица моя, да ты — русалка!
Вот волны надвигаются вповалку
В стремлении обнять тебя, а ты
Изящно уклоняешься. Не жалко?

Бьет крылышками бедный воробей —
Запеть бы соловьем среди ветвей.
Поэта с черною душонкой тянет
На белый стих от зависти своей.

— **Р**осы обильной, мама, где исток?
Откуда этот жемчуг-изумруд?
— По-моему, то слезы тех, сынок,
Кто прежде нас торил дорогу тут.

Давно созрел янтарный виноград,
Отбушевали молнии и град.
Любимая, они всегда со мною,
Когда передо мной твой кроткий взгляд.

В кромешной тьме, где не видать ни зги,
И в солнцепек, когда лучи — враги,
Нам угрожает океан суровый...
Причина? Набекрень у нас мозги.

Один скорей берет дубину в руки,
Другой — давай бежать от грозной штуки...
А иногда, мой друг, от всяких зол
Спасенье и в хвалебной есть науке.

Твои сережки — словно две жар-птицы.
Ну как такой красой не восхититься?
Я все-таки гадаю про себя:
С твоей душою разве им сравниться?

Белым-белы ромашек лепестки,
Венок чудесный вышел бы, наверно...
Все так. Но всем желаньям вопреки
Моей любимой ближе запах вербы.

Твой облик с огнецветом наравне,
Твой голос с родником сравним вполне.
О, жемчуг драгоценный мой, позволь же
Все прелести твои воспеть и мне.

Родная, чтобы жить на добрый лад,
Пусть слова мелодией звучат.
Когда лучи душевных струн коснутся,
Любовь нас не ведет ли в звездный сад?

В очах твоих — сияют небеса,
Душа поет — в ней птичьи голоса.
Кому же, как не мне, признаться в этом,
Перед тобой представ, моя краса?

Мудрости восточной острота,
Западной науки высота.
Нам такие вехи намечала
Предков Благодатная Мечта.

Янтарный щедрый хмель вот-вот
Об урожае запоеет...
Коль осень будет изобильной —
И праздник грянет в свой черед.

Здесь, на земле, я — каждому родня,
Мне смуглые и русые — друзья.
Давным-давно живу на белом свете,
Знакомы с чувашом? Так это — я.

Сидишь и смотришь, как течет вода, —
Продлить бы наслажденье на года.
Увы! Судьбой отпущенные сроки
Вот также протекают навсегда.

Что губят душу деньги и вино,
Людьми уже проверено давно.
Но душегуб того не замечает:
С утра отраву ищет все равно.

Любовь такая — истинный обман,
Не зря прошла, как утренний туман.
И вот душа моя — в плену терзаний,
Как будто залпом осушил стакан.

Утысячи народов свой язык,
Но каждый к общей слабости привык:
Когда без меры осушаем зелье,
Не очень лестный нам дают ярлык.

Михуть, как обогнул весь шар земной,
Вновь роднику поклон отвесил свой:
— Ты источаешь воды — нет возврата,
А я опять сижу перед тобой.

И что бы ни приписывали мне,
Я к солнечной склоняюсь стороне.
Любая вера зиждется на слове,
Что для меня — с судьбою наравне.

Мне говорили: «Ты пиши, пиши».
В туманной это сгнуло тиши.
Когда твердили: «Не пиши, не выйдет»,
То крепи крылья в глубине души.

Соловьиные трели с утра хороши,
Но метания дум глушат голос души.
Вот еще один шаг у тебя до погоста.
«Не спеши», — слышно Господа слово в тиши.

Язык медовый — Педэр Хузангай.
Язык колючий — то Якку Ухсай.
Мед и колючку привести к согласью
Мечтал всю жизнь другой поэт — Малгай.

Цветы напоминают кипарис.
А на огне томится сочный рис.
Застолье, будь для гостя изобильным, —
Вот-вот ко мне придет Ренат Харис.

Когда душевный наступил разлад,
Ты к первой поспешил любви — назад.
Не оттолкнула, встретила с улыбкой,
Но... не вернула молодости клад.

Пожалуйста, входи ко мне без стука,
Радушие мое — тому порукой.
Ты тоже дверь не держишь на замке,
Однако сторожит ее... гадюка.

Знакомство наступило, как рассвет.
Взаимностью был этот час согрет.
Но вдруг ветра со всех сторон подули,
Размолвка все испортила вослед...

Отец и мать... И горе нипочем,
Для отпрысков все собирали в дом.
А те и не заметили... зазнались,
Пресыщенные дармовым добром.

Что к завтраку? Картошка и айран.
И на обед — картошка и айран.
Куда деваться, если у хозяйки
И к ужину — картошка и айран?

Жемчужина небесная — звезда,
Как мера вдохновенного труда.
Прислушайтесь, на что нам намекает
Поэзии жемчужная гряда?

Могучий дуб — земного шара друг
Наматывает с ним за кругом круг...
А человек, о жизни рассуждая,
Беспечно рубит под собою сук.

В один из золотых осенних дней
Собрал всех внуков старый Ерендей.
Спросили внуки: «Что ты делал в жизни?»
«Орехи грыз», — ответил без затей.

Звени, осина, тысячей монет,
В твоей листве — молитвенный завет.
А ты, Ягур, один язык имеешь,
Зато словам лукавым — счету нет.

Яблоня — роскошные цветы,
Видишь ли себя счастливой ты?»
«Отвечать не просто между тем:
Измерять-то счастье будем чем?»

Порой душевный чувствую подъем,
Вдруг спину гнуть приходится потом.
Отстала бы ты от меня, двоякость,
Прошу я нынче с сединой вдвоем.

Воистину воскресе! Благодать!
Однако рот мой на замке опять:
Вокруг холодный взгляд бросает каждый,
Боярыне Морозовой под стать.

Кораблик сладил детскою рукой,
Пустил по Шатьме — речке небольшой.
В каком же нынче море он кочует?
Ах, как бы мне вернуть его домой!

Стесняться нечего, друзья,
Больницу обходить нельзя:
Сама объявится иначе,
Вдруг... на носилках увозя.

Начальство, братцы, надобно любить,
Начальству, братцы, нужно угодить.
Недаром говорит устав солдатский,
Как к старшему по званию подходить.

Чиновник поневоле — да, бывает,
Он в мягком кресле гордо восседает.
Но поневоле никому из нас
Забраться невозможно на Парнас.

И говорит мне сердце вдруг:
— Ругать не будем наш недуг,
А лучше с лаской обратимся,
Глядишь — не будет столько мук.

Желая быть с тобой, моя душа,
Поставил я шалаш из камыша.
Лишь на мгновенье вроде отлучился —
Лежит... змея под сенью шалаша.

Мелодия у песни — хоть куда,
Зато стихи — сплошная ерунда.
Вот и в семейной жизни диссонансы
Случаются от спешки иногда.

Вершины, о которых так мечтал,
Я к вам, старея, руки простирал.
Да, сверху хорошо видны ошибки
Ведущие меня под трибунал.

— **Ч**то голову ломаешь так давно? —
Синица говорит через окно, —
Знай: небо сверху, а земля внизу.
Все остальное, братец, лишь вранье.

Дом, гнездо — все та же глина.
Зло, добро — тут сказ недлинный.
Вечно пребывает в нас
Рая с адом мешанина.

Хозяину не до людей:
Он всех превыше и мудрей!
В его груди, коль откровенно,
Шуршанье денег все слышней.

Восток — соперник Западу стократ,
Рабочий дух бездельнику не рад.
Коль даже солнце как-то станет черным,
Надежду все же сохраним мы, брат.

Ты напрасно стегаешь лошадку кнутом,
По нужде объявился и сгинешь потом.
Посреди семи бед скovyрнешься однажды,
«Что ж, судьба,» — перекрестится кто был знаком...

Не оценили в школе паренька,
Придирки, ругань из-за пустяка.
Когда в пучину жизни погрузился,
Всех выше поднял он честь земляка.

Хотя и перебрал весьма —
Здесь неуместна кутерьма.
Ведь красота мужской пирушки —
В блестящей выправке ума.

Родные ветлы, с детства край чудес.
«Лети, лети, кукушка» — пел наш лес.
Но что случилось? Нынче вечерами
На улице — «Огинский. Полонез».

Искоренить грехи мои вконец
Однажды слово дал святой отец.
И сделал, что положено. Однако
Не смог я исповедаться, глупец.

Себя мне захотелось испытать —
И тут же свистнул иволге под стать.
Сидевший на верхушке дуба ворон
Фальшивым мог бы мой дебют назвать.

Мой край, быть может, ты не так шикарен,
Но воздух — будто напоен нектаром.
Не зря же следопыт Афиноген
Путь держит через тундру в Чебоксары.

Люби, естественно, поклон.
При этом нужен и заслон.
Вон, среди поля дуб могучий
От молнии пылает жгучей.

Ах, ты, желудь ядреный, никак
С ветки прямо на камень и — шмяк!
А скажи-ка, теперь нити-корни
Как пробьют непрístupный плитняк?

Насытившись безумством страсти,
Мы вдруг любовь лишили власти.
И вот она стучится в дверь:
— Живьем хороните? Напрасно.

О женщина! Как будто ей дано
Напоминать жемчужное зерно.
Но ближе подхожу и — что такое? —
Ведь с ней танцует пошлое вино.

Леонардо да Винчи брал красками свет
И глаза зажигал, оживляя портрет.
Времена изменились. И нынче девицы
Напоказ выставляют... пупок-пустоцвет.

Заздравную чашу умей принимать,
Застолью с родными — поклон отдавать.
Слова от души подбери ты для тоста
За пиво, несущее всем благодать.

Земляк мечтал про золотой дворец
И как о нем рассказывал, шельмец!
А нынче едет сам на катафалке
Туда, где всем желаниям конец.

Нынче кто богат? Чей конек — обман.
Ближнего топи — сразу станешь пан.
Разберись поди в этой круговерти:
Церковь и сама пишет бизнес-план.

Кромсает сосны человек пилой,
Барыш он хочет отхватить большой.
Лес удивлен: «Дан человеку разум,
А этот тип куда припрятал свой?»

Еще быстрее я шагать готов,
Держа в руках букет живых цветов.
Родная, как сказать тебе, не знаю,
Одно из самых сокровенных слов.

— **О**ткуда на густой траве роса?
Откуда силу черпают леса?
— Родная, приглядишься к живой природе:
Любовь, любовь творит все чудеса.

В запале даже память о былом
Хотел я мертвым затянуть узлом.
Но музыка твоей души меж тем
Тот узел развязала без проблем.

Отлично ты сидишь на скакуне.
Но прежде чем пуститься на коне,
Ты, паренек, заброшенное поле
На унгинской вспахал бы стороне.

Цвети, мой сад, пылай живым огнем,
Как радуга, всех осени добром,
Дай птицам заливаться... А иначе
Нас уничтожит электронный гром.

Чуваш издревле сдержан на язык —
Он больше делом говорить привык.
Ведь дорожил особенкою этой
И Андриян в свой самый звездный миг.

— **П**очтенный лирик, слух такой идет:
Считаешь звезды ночи напролет...
— Мешать не надо... Потерплю немного —
И, чую, вдохновение придет.

Я ждал от жизни благ со всех сторон.
А мне сказали: «Ты в грехе рожден».
Неужто между прошлым и грядущим
Не принят примирения закон?

Цветок завял — и лепесток упал.
Был месяц полным — враз ущербным стал.
Планете нашей что бы ни сулили —
Она спокойно свой вращает вал.

Среди звезд дорога длинна.
Нас зовет куда-то она.
В серебре дорожном, друзья,
Молодость с изнанки видна.

Делами света белого живем.
Концы-начала затерялись в нем.
Но если человек вражду затеет —
Погаснет тут же вечный окоем.

Да, мир людской курьезами богат.
Когда, перелистав инструкций свод,
Москва о стрижке голос подает,
То в Чебоксарах головы летят.

Пирог-хуплу нарезан духовитый,
И дух мясной исходит от шурбе...
О мама, там бываешь ли ты сытой?
Я ложку каждый раз кладу тебе.

Как сладость, так и горечь — не родные,
Поскольку вкусы разные несут.
Но чтобы сладко говорить, иные
Сначала все же горькое хлебнут.

Ты не очень надейся, что правда с тобой.
От двуличных избавиться трудно порой.
Этот — левый, тот — правый: какая взаимность?
Потому на обман ты обманом же крой.

России честь — как пенсии шкала.
Посмешищем всегда она была.
Хозяин намекнет о повышении —
Прилавки враз отпустят удила.

Не говори, что снег весне сдается
И прочь уходит, волю дав слезам.
Он после смерти сам же отзовется
Цветеньем белоснежным по садам.

На грани небосвода и земли
От солнца волны марева пошли.
А наши годы, молодые годы,
Стрижи на черных крыльях унесли.

Вот черная вздымается скала.
Кто штурмовать готов, тому хвала.
Но помни: руки-ноги поднимают,
При спуске — вырастают два крыла.

Тебе о счастье печься ни к чему,
Покуда ищешь — обретешь суму.
Приходит счастье только на мгновенье.
И это правда, судя по всему.

Вдруг молвил белый камень полевой:
«Привет тебе...» — «А от кого? Открой...» —
«Лет тысячу назад сородич-булгар
Здесь петь любил. Вот от него, родной».

Зеленой песней роща шлет салют,
И волны величавые плывут...
Взлететь бы и парить, как гордый беркут,
Но... крепкие тенета не дают.

«**О**, лес густой, избавь от мук сердечных...»
«О, поле, исцели от болей вечных...»
«Ах, дети, никого не утруждайте, —
Сказала мать, — все беды мне отдайте».

Не странно ли, годам счет потерял,
И мерой стало — сколько написал.
Опять приходит вдохновенья срок.
Ну что ж, отмечу циклом новых строк.

С моим недугом доктор не знаком:
Родным я околдован языком.
Мой эскулап! Мне сразу станет легче,
Коль на чувашском проведешь прием.

Васильев... Федор... Мудрый мой сосед.
С тобой немало мы вели бесед.
Печально, брат... О музыке чувашской
С кем говорить теперь? Титанов нет...

Знать, январю февраль сказал спасибо:
Деревни, города, поля, леса —
Все пребывают в белом царстве, ибо
Сам Дед Мороз им дует в паруса.

Взял и погас в груди пылавший жар.
Опять судьбой готовится удар...
Родные, предстоящие угрозы
Пусть в шутку обернет веселья дар.

Младенец теплой грудью увлечен.
Не так ли привлекает небосклон
К себе колосья на земле чувашской —
Они, тугие, солнцу бьют поклон.

Неужель, витая в облаках,
Я забыл о долге и делах?
Ведь недаром на восходе солнца
Лень томится у меня в руках.

Мама... Ты ступала осторожно,
А иначе — землю ранить можно.
И грозу над головой моей
Отвести сумела поскорей.

Вновь песня соловьиная слышна.
Природа обновляется сполна.
Стоп — крышка гроба... Значит, человека
Умеет спрятать в землю и весна.

Друзья, как крепко детство в нас сидит:
То сын, то дочь — его второй визит,
Потом придет другое поколение —
И с детством внук уже соединит.

Видно, так уже заведено —
Злу добро преследовать дано.
Вспоминают Каина-злодея
С Авелем безвинным заодно.

Да, лишены слова людей
Материальности вещей.
Иначе стали бы в объеме
Земного шара тяжелей.

За окном орла суровый взгляд.
Я тут иволгу приветить рад.
Если не поймут они друг друга,
Я, выходит, буду виноват?

Созрел в саду янтарный виноград.
Исчез последней молнии разряд.
А я, скучая по тебе, сгораю,
Любимая, который день подряд.

Ни словом ты не намекнула мне
И о любви не пела при луне.
Взглянула раз лучистыми глазами —
От искры той я до сих пор в огне.

Ты, окошко, зачем показало мне вдруг,
Как в глаза незнакомке смотрел мой супруг?
Нет, окошко, скорей занавеску задерну —
Не гуляка мой муж, он мой преданный друг.

Не вешай голову, поэт, —
Ведь от унынья проку нет.
Под солнцем нам тепло обоим,
Да осенит небесный свет.

На небе, братья, не ищите Бога,
Он в благости душевного чертога.
Из сердца волны добрые плывут —
То нас зовет блаженная дорога.

Был мельницей — крутился,
Стал лыжами — скатился.
Ушел дорогой масляной,
Медовой — возвратился.

Качаюсь в зыбке все сильнее,
Лечу я в сказке вместе с нею.
Играет солнышко со мной,
А мамины глаза — милее.

Я слишком доверял тебе когда-то,
Секретами делился как с собратом.
И вот сюрприз: предателем ты был,
Точил мое нутро, как вредный атом.

Другому зло творящий зло в ответ —
Он снова сеет зло и множит вред.
Зову я тех, кто пребывает в злобе,
Придите — всех верну на добрый след.

Один сулит золотые горы мне,
Пора, мол, быть богаче и умней.
Но если это все за счет другого,
Тот станет нищим по моей вине.

В Чебоксарах высоки дворцы,
Солнце закрывают их творцы.
Есть одно при этом утешенье:
Просто мы с соседом — не борцы.

Человеку не нужна война,
Только для правителей она.
Вместо поля боя — поле жатвы
Пусть добро приносит в дом сполна.

Хлопья снега все летят, летят...
Белый заяц след кладет опять,
Четырьмя пометами своими
Что-то хочет, видно, передать.

Форели, знай, поток прозрачный мил,
Карась предпочитает донный ил.
Так и с людьми: вот этот — чист душою,
А тот — и честь за деньги заложил.

И слово «ум» прекрасно,
И слово «жар» прекрасно.
Однако их чрезмерно
Употреблять опасно.

На луговине, где растет пырей,
Угик сварил ушицу для друзей.
«Пали, пали пока, — трава шипела, —
Я на могиле вырасту твоей».

У внука нет — зато имеет дед,
У внука есть — зато у деда нет.
Но люди говорят, что старый с малым
Порой бывают схожи, как дуэт.

С конем ты умеи обращаться,
С деньгами умеи обращаться.
Но бережней, чем там и там,
Со словом умеи обращаться.

Зачем мне угрожаете давно,
Раз попаду в котел я все равно?
Пусть богачам — другое. Я же буду
Кипеть в аду с народом заодно.

За клеветою клевету вдогон
Строчит и рассыпает всюду он.
Причем смотреть невинными глазами
Давно уж приучил себя — дракон!

Как худшую услышишь из вестей,
Ты близко к сердцу принимать не смей.
Осот так глубоко пускает корни —
Попробуй извести сорняк с полей.

Нам суммы выделяются казной,
И дань берется тою же рукой.
Деньгам и церковь стала поклоняться...
Безгрешен, знать, один лишь дух лесной?

Спокойно поучая слабака,
Толковый утверждается слегка.
Другой ему как будто возражает...
Кругом обман. А правда далека.

Скажи, мы кто? Чувашский мы народ,
Лет тысячу зовет нас путь вперед.
Куда идем мы? Все вперед — не вспять.
Пока идем, себя хотим понять.

Чуваш в судьбе на скромность приналег,
Не потому ли сам к себе был строг.
Но повернулось колесо эпохи —
Недугом «выпивона» занемог.

Что нынче правит миром? Хитрый трюк.
Такой у человечества недуг.
О чем же ЦРУ провозглашает?
О том, что скоро нам придет каюк.

Держу я розы стебелек —
Пусть твой украсит уголок.
Но в памяти моей хранится
Все тот же скромный василек.

— **П**етух, уж так назойливо не пой,
Ты мне мешаешь думать над строкой.
— Хозяин, если б я так не горланил,
Совсем бы не проснулся род людской.

Бывает — солнце, обходя зенит,
Лучом-магнитом облачко пронзит
И землю взором ласковым окинет —
Все будто обретут счастливый вид.

— **Т**вой путь, бабуля, мной давно изучен,
И чаще повороты там, и круче.

— А ты за руслом Волги проследи:
Как много по течению излучин...

«**Н**е доверяйся в жизни никому», —
Твердишь ты мне. Я что-то не пойму:
Друзьям-товарищам отставку дать —
Фомой неверующим, что ли, стать?

Отцовским взором командир полка
Следит, как четко шествуют войска.
Вот так бы довелось принять однажды
И мне парад родного языка.

Похвала излишняя приведет к стыду,
А хула чрезмерная вызовет вражду.
Выход есть: спокойно надо только слушать —
И тогда твой разум будет на виду.

Он сотни яблонь посадил,
В саду все время проводил.
Привои нынче не прижились...
Вдруг... сердце... выбилось... из сил...

Порою и чужой тебя понять готов,
А иногда и свой вдруг наломает дров.
Тот и родного предстает роднее —
Через толпу тебе лаваш сует без слов.

В час похорон увидел надпись я,
Которую никак забыть нельзя:
«Сегодня ты товарища хоронишь,
А завтра и тебя возьмет земля».

Влезал я в детстве на тебя, ветла, —
Мечта увидеть Шупашкар звала.
Теперь с балкона городской квартиры
Хочу увидеть, где ветла росла.

Когда я слышу, как звенит родник,
Перед глазами — Фергана, арык.
Желтухин Герман приземлился с неба
На парашюте — и к воде приник...

Как линию по шнуру нанести,
Что прямо к цели может привести?
А надо ли? С годами даже реки
Не раз меняют русло по пути.

У богача — уловки торгаша:
Без выгоды не тратит ни гроша.
А что же работяге остается?
Живая бескорыстная душа.

Волга. Берег глинистый высок.
Вот бы стриж перемахнуть помог!
Если б знал, что упаду случайно,
То соломки постелил бы впрок.

Природу украшая стройным телом,
Березы здесь стояли, что капелла.
Теперь обрубки сваями торчат,
И я торчу — такой же пень замшелый...

А что в горах афганских мы искали,
Зачем в песках горячих утопали?
Не просят — так соваться ни к чему,
И эту горечь нам забыть едва ли....

Предчувствие не подвело отнюдь,
Когда пришлось мне отступить чуть-чуть.
Все вроде бы по совести и чести:
И шаг назад — порой к успеху путь.

Зачем же утром ради зла
Ночные ворошить дела?
Что было ночью, то с рассветом
Закроет тайна, как скала.

Жизнь коротка, но многовато драм.
И вздорить ни к чему по пустякам.
Вот хлеб и мед. За дружеским столом
Давай-ка потолкуем по душам.

Смотрит окнами фасад.
Для касаток — палисад.
Дней как будто в жизни много,
Только век коротковат.

Успел за шесть десятков перебраться,
А там — и новый горизонт, признаться.
Но петь не перестану и тогда —
Весна не только тем, кому семнадцать.

«**Д**еньги, деньги», — говорят
И гребут к себе подряд.
Но при этом забывают:
Следом души — прямо в ад.

Купил я гладиолус — и отверг.
На линию взглянул — и цвет померк...
Любимая, что бедный мой букет?
Твоя краса затмила белый свет!

Не так ты, человек, живешь.
Недаром же — земная дрожь.
Не зря морские штормы сплошь.
Недаром — с неба звездный дождь.

Что за опоры держат белый свет?
Какой за поворотом ждет сюжет?
Не задавай, любимая, вопросов,
Ночные ласки — будущего след.

Огонь-цветок срываю. Для тебя.
Узоры слов сплетаю. Для тебя.
Мелодии слагаю. Для тебя.
И счастье добываю. Для тебя.

Вновь испытания? Смело иди,
Будут барьеры еще впереди.
Честно, по совести жить бы на свете,
Прежде чем руки сложить на груди.

«**П**ути Господни неисповедимы».
О, если бы к Нему могли взойти мы,
Я попросил бы дни мои продлить...
Но почему мои порывы мимо?

Грехов наделал много? Не считай.
Лишь Господа всем сердцем почитай.
И лес свои орехи покрывает
Листовою золотою, так и знай.

Как ласточка, вдруг промелькнешь в окне.
Лучом зарницы вспыхнешь по весне...
Воздушна, легкокрыла. Так откуда
Ты трудности порой приносишь мне?

Погост... уж тут-то власть в одних руках,
И никому не увильнуть впотьмах.
Поэт, чиновник, пахарь и разбойник —
Все незаметно превратятся в прах.

Мелодией неслышной — снегопад.
Покров — родным просторам благодать.
Тебе к лицу пуховый твой наряд:
Невеста, ты лебедушке под стать.

Не думайте, друзья, про смертный час.
Поверим в день ухода? В самый раз
Его как цель нам поднесет лукавый...
Не торопите, люди, смертный час.

Был саженец — стал деревом потом,
Бревно к бревну — поднялся новый дом.
А вырастить наследника, скажу вам,
По силам только матери с отцом.

На звездочек похожи золотых
Девчата на гуляниях ночных.
При этом помнить надо бы, ребята,
Еще и о красавицах дневных.

Поклон тебе, знакомая ветла!
Я возвращаюсь — и душа светла.
Твоя верхушка только показалась —
И вместо ног, как будто два крыла.

Не знает человек, что говорит.
Не чует человек, что он творит.
А зависти юла, крутятся незримо,
Всю душу остужает изнутри.

На камне урожаю не бывать,
Лишь черная земля щедра, как мать.
Так и поэту в творческом порыве
Нельзя о силе почвы забывать.

Весна, ты меня удивила:
Дул ветер неистовой силы,
И вдруг на просторе полей
Его... тишина усмирила.

По части званий разных шеф богат:
Отныне он — еще лауреат.
Теперь вот новой целью озадачен:
Как завладеть путевкой в райский сад.

Немало я писал о родниках.
Какой поэт их обойдет в стихах?
Поскольку — будь то город иль деревня —
Из тех истоков жизненный размах.

Под вечер птицам высыпал зерно.
Не прилетела ни одна: темно.
А утром вижу крестики от лапок —
И подпись, и «спасибо» заодно.

Хлеб с солью перед ним, еще лучок.
Иной небрежно бросит: «Дурачок!»
А я себя приблизил бы к поэтам,
Когда б, как он, красиво думать мог.

— **В**ам деньги, — Перельману говорят. —
Вот распишитесь на графе оплат.
— Не надо ничего, — звучит в ответ. —
Вы предложили, и тому я рад.

Лишь мастер оживляет изумруд.
А у поэта — ювелирный труд.
Но где они, прекрасные истоки?
За тридевять земель, иль рядом, тут?

Два месяца у Волги на виду
Я лето провожу в моем саду.
Со мною дружат яблони и птицы,
Уютней уголка едва ль найду.

— **Ч**то нынче с петухом твоим, сосед,
Задора в пенье, как бывало, нет?
— Знать, чует бедолага, что сегодня
Он будет подан с супом на обед.

Ловка же офицера жена —
Супругом как командует она!
Но жаль, погон не хватит генеральских
Для лейтенанта каждого сполна.

Кресало и кремь — далекий век,
С тех пор взлетел и в космос человек.
А не грозит ли финишем печальным
Ему такой ускоренный разбег?

И белое, и черное — со мной.
Иду, хотя и не с прямой спиной.
Но крыльям не дает в душе обвиснуть
Звучание мелодии родной.

Литературно-художественное издание

Семендер Юрий Семенович

КЛУБОК СУДЬБЫ

Стихи

Редактор *В.Н. Алексеев*

Художник *В.Г. Бритвин*

Художественный редактор *С.А. Бритвина*

Технический редактор *Л.К. Егорова*

Корректоры *З.И. Гаврилова, Н.В. Вечеркина*

Компьютерная верстка *Е.Е. Фоминой*

Общероссийский классификатор продукции ОК 005-93—95
3000. Подписано к печати 28.07.11. Формат 70х90 ¹/₃₂.
Бумага офсетная. Гарнитура Ариал. Печать офсетная. Усл.
печ. л. 4,68. Учетно-изд. л. 2,41. Тираж 1000 экз. Заказ
№ К-6279. Изд. № 56.

ГУП Чувашской Республики «Чувашское
книжное издательство» Минкультуры Чувашии,
428019, Чебоксары, пр. Ивана Яковлева, 13.

www.chuvbook.ru, e-mail: chuvbook@mail.ru,
chuvbook@cap.ru

Тел./факс (8352) 28-85-51.

Отпечатано в ГУП «ИПК «Чувашия»,
428019, Чебоксары, пр. Ивана Яковлева, 13.

115.00

КЛУБОК СУДЬБЫ

Чувашское
книжное
издательство

